

Харлан Эллисон

Разрушительная сила

Харлан Эллисон

Разрушительная сила

«Public Domain»

Эллисон Х.

Разрушительная сила / Х. Эллисон — «Public Domain»,

Всегда кто-то кого-то обижает. Эмоции, 4 миллиарда настроений гудят, копятся заряды гнева и когда пробьет... Тогда каждый – немного тот самый Толливер, кого обидели!.. Вы сейчас никого не обижаете?

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Харлан Эллисон

Разрушительная сила

* * *

Уильям Шлейхман произносил свою фамилию как «Шляйхманн», но многие из тех несчастных, которым он делал ремонт, называли его не иначе, как «Шлюхман».

Он спроектировал и построил новую ванную для гостей в доме Фреда Толливера. Толливеру было чуть за шестьдесят, он только что вышел на пенсию после долгой активной жизни студийного музыканта и имел глупость верить, что пятнадцать тысяч годовой ренты обеспечат ему комфорт. Шлейхман же наплевал на все исходные спецификации, подсунул дешевые материалы вместо полагавшихся по правилам, провел дешевые японские трубы вместо гальванизированных или труб из напряженных пластиков, срезал расходы на труд, нанимая нелегальных иммигрантов и заставляя их работать от зари до зари, – словом, нахалтурил, как только мог. Это было первой ошибкой.

И за весь этот кошмар он еще содрал с Фреда Толливера лишних девять тысяч долларов. Это была вторая ошибка.

Фред Толливер позвонил Уильяму Шлейхману. Он говорил очень мягко, чуть ли не извиняясь – настоящий джентльмен никогда не позволяет себе выразить досаду или гнев. Он ограничился вежливой просьбой к Уильяму Шлейхману: прийти и исправить работу.

Шлейхман расхохотался прямо в телефонную трубку, а потом сообщил Толливеру, что контракт выполнен до последней буквы и никакие дополнительные работы не предусмотрены. Это была третья ошибка.

Шлейхман сказал чистую правду. Инспекторов подмазали, и они приняли работу на законных основаниях согласно строительным кодексам. Формально Шлейхман был чист, и против него нельзя было выдвинуть никакого иска. С точки зрения профессиональной этики – другое дело, но это Шлейхмана волновало не более прошлогоднего снега.

Как бы там ни было, а Фред Толливер остался при своей ванной комнате для гостей, со всеми ее неровностями, швами и трещинами, пузырями винилового пола, обозначающими утечки горячей воды, и трубами, завывавшими при открывании кранов – точнее, они выли, если краны все-таки удавалось открыть.

Фред Толливер неоднократно просил Шлейхмана исправить работу. Наконец Белла, жена Уильяма Шлейхмана, часто отвечавшая на деловые звонки мужу (сэкономить пару баксов, не нанимая секретаршу, – святое дело!), перестала его соединять. Фред Толливер мягко и вежливо попросил ее:

– Будьте добры сообщить мистеру Шлейхману (он так и произнес: «Шлейхману»), что я очень недоволен. Доведите, пожалуйста, до его сведения, что я это дело так не оставлю. Он поступил со мной ужасно. Это непорядочно и нечестно.

А она тем временем жевала резинку и любовалась ногтями. Все это она слыхала и раньше, поскольку была замужем за Шлейхманом уже несколько лет. Всегда одно и то же, каждый раз.

– Слушайте, вы, мистер Тонибар или как вас там, что вы ко мне пристали? Я тут работаю, а не команду. Могу ему передать, что вы опять звонили, и все.

– Но вы же его жена! Вы же видите, как он меня ограбил!

– Так от меня-то вы чего хотите?! Я ваши глупости слушать не обязана!

Тон у нее был скучающий, высокомерный, крайне пренебрежительный тон – как будто он был чудак, какой-то сдвинутый, требующий неизвестно чего, а не того, что ему должны. Тон подействовал, как бандерилья на уже взбешенного быка.

– Это просто жульничество!

– Ну скажу я ему, скажу! Господи, вот привязался. Все, кладу трубку.

– Я вам отплачу! Я найду управу...

Она с размаху бросила трубку, щелкнула в раздражении резинкой во рту и принялась разглядывать потолок. И даже не позаботилась передать мужу, что звонил Толливер.

И это была самая большая ошибка.

Танцуют электроны. Поют эмоции. Четыре миллиарда настроений гудят, как насекомые. Коллективный разум улья. Эмоциональный гештальт. Копятся и копятся заряды, сползая к острию в поисках самого слабого места, которое пробьет разряд. Почему здесь, а не там? Вероятность, тончайшая неоднородность. Вы, я, он или она. Каждый, всякий, любой, кто был рожден, или кто-то, чей гнев достиг в тот момент критического напряжения.

Каждый – Фред Толливер. Эмоциональный разряд масс.

Подъезжая к бензоколонке, он переключил передачу на нейтральную и заглушил мотор. Вытащив изо рта трубку, Шлейхман бросил подоспевшему служителю:

– Привет, Джин. Экстрой заправь, ладно?

– Извините, мистер Шлейхман, – у Джина был чуть опечаленный вид, – но вам я бензина продать не могу.

– Что за черт? У вас что, все кончилось?

– Нет, сэр. Вчера вечером залили баки под самую горловину. Просто я не могу продать вам бензин.

– Какого черта?!

– Фред Толливер не желает, чтобы я это делал.

Шлейхман уставился на работника заправки. Конечно, он не расслышал. На этой станции он заправлялся уже одиннадцать лет и понятия не имел, что они знают этого пролазу Толливера.

– Джин, не будь идиотом. Заправляй чертов бак!

– Простите, сэр. Для вас бензина нет.

– Да кто он тебе, этот Толливер? Родственник или что?

– Нет, сэр. Я с ним не знаком. Появись он здесь прямо сейчас, я бы его не узнал.

– Так какого же... Да я... Да ты...

Но Шлейхману не удалось убедить Джина качнуть хотя бы литр в бак своего роллса.

Как не удалось заправиться и на шести остальных заправках по той же улице. И когда бензин уже кончался, Шлейхману только и оставалось, что свернуть к тротуару.

Увы, бензин закончился как раз посреди бульвара Вентура. Подъехать к бровке тоже не удалось – движение, еще секунду назад слабое, вдруг стало таким плотным, что пальца не просунешь. Шлейхман бешено завертел головой, выискивая путь, но из потока было не выбраться.

Изрыгая ругательства, он поставил нейтральную передачу, опустил окно, чтобы взяться за руль снаружи, и вышел из замолкшей машины. Хлопнув дверью и кляня Фреда Толливера на чем свет стоит, он сделал первый шаг. Раздался мерзкий треск раздираемой ткани – пяти-сотдолларовый тончайшего сукна пиджак защемило замком.

Изрядный лоскут пиджака, мягкого, как взгляд лани, сшитого на заказ в Париже, самого любимого пиджака цвета опавших листьев, обвис, словно половая тряпка. Шлейхман даже всхлипнул от досады.

– Да что же это творится?! – рявкнул он так, что прохожие стали оглядываться. Это был не вопрос, а проклятие. В ответ раздался раскат грома. Лос-Анджелес лежал в тисках двухлетней засухи, но сейчас над головой громоздились черные тучи.

Шлейхман потянулся через окно, попробовал повернуть руль к тротуару, но при выключенном моторе руль с механической тягой повернуть было трудно. Он напрягся... сильнее... и что-то хрустнуло у него в паху! Ноги свела дикая боль, и Шлейхман согнулся пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.